

МИЛОРАД ПАВИЧ

Хазарский
словарь

Магистраль. Коллекция

Милорад Павич
Хазарский словарь

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сеп)-44

Павич М.

Хазарский словарь / М. Павич — «Эксмо», 2011 — (Магистраль. Коллекция)

ISBN 978-5-04-254560-3

Милорад Павич — классик сербской литературы и лауреат престижной премии НИН. «Хазарский словарь» — роман-лабиринт, одно из самых необычных произведений XX века. Автор этой книги заверяет, что вы не обязательно умрете, если прочитаете ее. Каган видит вещий сон. Ему нужно выбрать истинную веру. Исчезнувшее хазарское царство оживает в трех противоречащих друг другу версиях — христианской, исламской и еврейской. За спором о вере скрываются странные смерти, путешествия по чужим снам и роковые совпадения. Вы станете соавтором книги. Читайте истории в произвольном порядке. Возможно, удача вам улыбнется, и вы сможете заново воссоздать мир. Это мистический роман, детектив и интеллектуальная головоломка, которую каждый раз собирают заново. У «Хазарского словаря» есть две версии — мужская и женская. Они отличаются лишь одним абзацем. В этом издании опубликована мужская версия словаря. Читайте в серии: Дэниел Киз - «Цветы для Элджернона» Рэй Брэдбери - «Вино из одуванчиков» - «451° по Фаренгейту» - «Темный карнавал» Джон Фаулз - «Волхв» - «Коллекционер» Маркус Зусак - «Книжный вор» Милорад Павич - «Звездная мантия. Ящик для письменных принадлежностей» - «Хазарский словарь» Харуки Мураками - «Хроники Заводной Птицы» Марио Пьюзо - «Крестный отец» Джонатан Сафран Фоер - «Жутко громко и запредельно близко»

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Сеп)-44

ISBN 978-5-04-254560-3

© Павич М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предварительные замечания ко второму, реконструированному и дополненному изданию	9
1. История создания «Хазарского словаря»	10
2. Состав словаря	14
3. Как пользоваться словарем	16
4. Сохранившиеся фрагменты из предисловия к уничтоженному изданию 1691 года (перевод с латинского)	18
Словари. <i>Lexicon Coriss. Continens. Colloquium seu Disputationem de Religione</i>	19
Красная книга. Христианские источники о хазарском вопросе	19
Быстрое и медленное зеркало	20
Повесть о Петкутине и Калине	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Милорад Павич Хазарский словарь

Милорад Павић

Хазарски речник

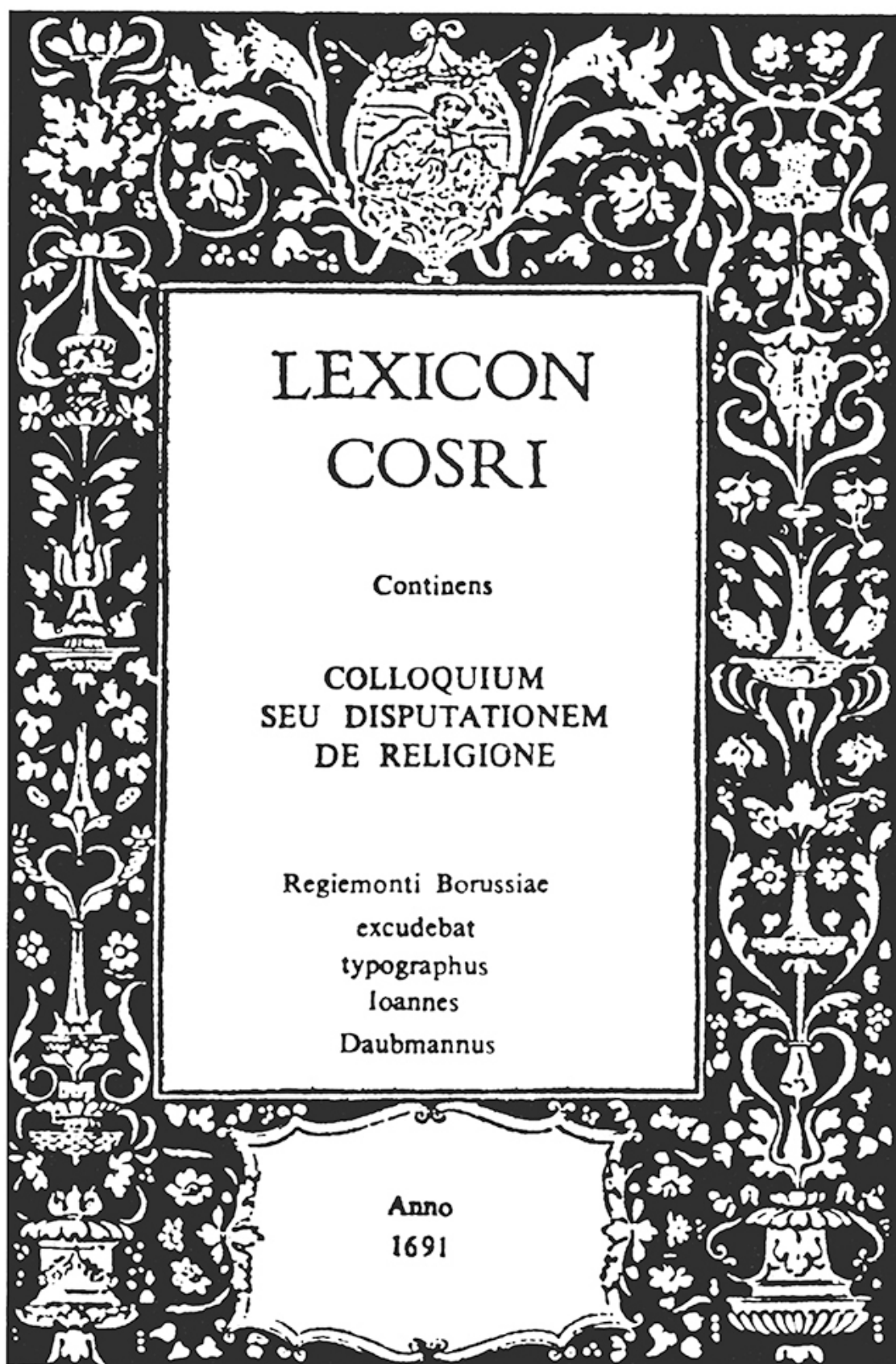
© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Обложка первого (уничтоженного) издания «Хазарского словаря» Даубманнуса, 1691 год (реконструкция)

НА ЭТОМ МЕСТЕ
ЛЕЖИТ

ЧИТАТЕЛЬ,
КОТОРЫЙ НИКОГДА
НЕ ОТКРОЕТ
ЭТУ КНИГУ.
ЗДЕСЬ ОН СПИТ
ВЕЧНЫМ СНОМ.

LEXICON COSRI

(Словарь словарей о хазарском вопросе)

Реконструкция первоначального издания Даубманнуса от 1691 года (уничтоженного в 1692 году) с дополнениями до новейшего времени

Предварительные замечания ко второму, реконструированному и дополненному изданию

Современный автор этой книги заверяет читателя, что тот не обязательно умрет, если прочитает ее, как это произошло с его предшественником, пользовавшимся изданием «Хазарского словаря» от 1691 года, когда эта книга была впервые составлена. В связи с тем изданием необходимы некоторые пояснения, однако, чтобы они не были слишком утомительными, лексикограф предлагает читателям заключить договор: он сядет писать эти пояснения перед ужином, а читатель возьмется читать их после обеда. Таким образом, голод заставит автора быть кратким, а сытому читателю введение не покажется слишком длинным.

1. История создания «Хазарского словаря»

Событие, описанное в этом словаре, произошло, видимо, в VIII или в IX веке нашей эры (возможно, было несколько подобных событий), и в специальной литературе оно обычно называется хазарской полемикой. Хазары, независимое и сильное племя, воинственные кочевники, в момент, неизвестный истории, появились с Востока, гонимые жаркой тишиной, и в период с VII по X век населяли сушу между двумя морями – Каспийским и Черным¹. Известно, что ветры, пригнавшие их, были ветрами-самцами, – они никогда не приносят дождей, и из них растет трава, которую они влекут по небу как бороды. Один поздний источник славянской мифологии упоминает Козие море – возможно, это название какого-то моря, которое называлось Хазарским, так как славяне хазар называли козарами. Известно также, что хазары основали сильное царство между двумя морями и исповедовали неизвестную в настоящее время религию. Хазарские женщины в случае гибели на войне своих мужей получали по одной подушке для того, чтобы хранить в ней слезы, проливаемые по погибшему ратнику. Хазары заявили о себе в истории, начав воевать с арабами и заключив в 627 году союз с византийским императором Ираклием, однако их происхождение остается загадкой, исчезли и все следы, которые привели бы нас к тому, под каким именем и среди какого народа искать хазар сегодня. После них осталось одно кладбище на берегу Дуная, о котором точно неизвестно, хазарское ли оно, и еще груда ключей, у которых вместо головок припаяны золотые или серебряные монеты с изображением трехрогого знака; как считает Даубманнус[☆], такие монеты отливали хазары. С исторической сцены хазары исчезли вместе со своим государством после того, как разыгрались события, о которых здесь главным образом и пойдет речь, а именно после того, как они из своей первоначальной и ныне неведомой нам веры обратились в одну из известных и тогда и теперь религий – иудейскую, исламскую или христианскую. Считается, что вскоре за обращением последовал распад хазарского царства. Один из русских полководцев X века, князь Святослав, не сходя с коня, съел хазарское царство, словно яблоко. Главный город хазар в устье Волги русские разрушили в 943 году за восемь ночей, а с 965 до 970 года уничтожили и хазарское государство. Очевидцы отмечали, что тени домов хазарской столицы еще долго не исчезали, хотя сами дома давно были разрушены. Они стояли, сопротивляясь ветру и водам Волги. Одна из русских хроник XII века свидетельствует о том, что Олег в 1083 году назывался архонтом Хазарин, но в это время, то есть в XI веке, территорию бывшего государства хазар уже занимал другой народ – кумы. Материальные следы хазарской культуры весьма скудны. Никакие тексты, общественного или личного характера, не обнаружены, нет никаких следов хазарских книг, о которых упоминает Халеви[☆], ничего не известно об их языке, хотя Кирилл[†] отмечает, что они исповедовали свою веру на хазарском. Единственное общественное здание, обнаруженное при раскопках в Суваре, на некогда принадлежавшей хазарам территории, судя по всему, не хазарское, а болгарское. Ничего особенного не найдено и во время раскопок на месте города Саркела, нет даже следов стоявшей там когда-то крепости, которую, как нам известно, построили для хазар византийцы. После уничтожения их государства хазары почти не упоминаются. В X веке вождь одного из венгерских племен предложил им поселиться на своих землях. В 1117 году какие-то хазары появлялись в Киеве у Владимира Мономаха. В Пресбурге в 1309 году католикам было запрещено вступать в брак с хазарами, и Папа подтвердил этот запрет в 1346 году. Это почти все.

¹ Библиография литературы о хазарах опубликована в Нью-Йорке (The Khazars, a bibliography); две монографии об истории хазар принадлежат одному русскому автору, М. И. Артамонову (Ленинград, 1936 и 1962 гг.), а история еврейских хазар напечатана в Принстоне в 1954 году автором D. M. Dunlop.

Упомянутый акт обращения в новую веру, который оказался для хазар роковым, произошел следующим образом. Хазарский правитель – каган, как отмечают древние хроники, увидел однажды сон, для толкования которого он потребовал пригласить трех философов из разных стран. Дело для хазарского государства было тем более важным, что каган решил вместе со своим народом перейти в веру того из мудрецов, чье толкование сна будет самым убедительным. Некоторые источники утверждают, что в тот день, когда каган принял это решение, у него умерли на голове волосы, и он понял, что это значит, однако пойти на попятный уже не мог. Так, в летней резиденции кагана встретились исламский, еврейский и христианский миссионеры – дервиш, раввин и монах. Каждый получил в подарок от кагана нож, сделанный из соли, и началась дискуссия. Точки зрения трех мудрецов, их споры, основанные на догматах трех различных вер, их личности и исход хазарской полемики вызвали большой интерес, многочисленные и противоречивые суждения об этом событии и его последствиях, о победителях и побежденных в полемике. На протяжении веков всему этому были посвящены бесчисленные споры в еврейском, христианском и исламском мире, они продолжаются и по сию пору, хотя хазар уже давно нет. В XVII веке интерес к хазарам неожиданно вспыхнул с новой силой, и необъятный материал о них, накопившийся к этому моменту, был систематизирован и опубликован в 1691 году в Пруссии. Были изучены экземпляры монет с трехрогим знаком, имена, выгравированные на старинном перстне, рисунок на стенке глиняного кувшина с солью, дипломатическая переписка, портреты писателей, с которых были прочитаны все названия книг, видневшихся на заднем плане, сообщения доносчиков, завещания, голоса попугаев с берегов Черного моря, о которых считалось, что они говорят на исчезнувшем хазарском языке, произведения живописи, изображавшие сцены музицирования (с них были расшифрованы все музыкальные записи, нарисованные на нотных листах) и даже одна татуированная человеческая кожа, не говоря уже об архивных материалах византийского, еврейского и арабского происхождения. Одним словом, было использовано все, что могла приручить и поставить себе на службу фантазия человека XVII века. И все это оказалось заключенным в переплет словаря. Объяснение такого интереса, пробудившегося в XVII веке, то есть через тысячу лет после самих событий, оставил один хронист в непонятном отрывке, который звучит так: «Каждый из нас выводит гулять свою мысль впереди себя, как обезьяну на поводке. Когда читаешь, имеешь дело с двумя такими обезьянами: одной своей и одной чужой. Или, что еще хуже, с одной обезьяной и одной гиеной. Вот и смотри, чем кого накормить. Ведь вкусы у них разные...»

Как бы то ни было, издатель одного польского словаря, Joannes Daubmannus[☆] (или какой-то его наследник под тем же именем) в вышеупомянутом 1691 году опубликовал собрание сведений о хазарском вопросе, придав ему единственно возможную форму, способную вместить все пестрое наследие, которое те, кто носит перо за ухом и мажет рот чернилами, накапливали и теряли на протяжении веков. Оно было напечатано в виде словаря о хазарах под заголовком «Lexicon Cosri». В соответствии с одной (христианской) версией текст издателю продиктовал некий монах по имени Феоктист Никольски^А, который задолго до этого нашел на поле сражения между австрийскими и турецкими войсками и выучил наизусть материалы различного происхождения, относящиеся к хазарам. Таким образом, издание Даубманнуса представляло собой сборник из трех словарей: отдельного глоссара исламских источников о хазарском вопросе, алфавитного перечня сведений, почерпнутых из еврейских записей и преданий, и третьего словаря, составленного на основе христианских познаний в хазарском вопросе. Это издание Даубманнуса – словарь словарей о хазарском царстве – имело удивительную судьбу.

Наряду с пятьюстами экземплярами этого первого словаря о хазарах Даубманнус напечатал еще один экземпляр, но для него была использована отравленная типографская краска. К отравленному экземпляру, переплет которого закрывался на позолоченную застежку, прилагался и один контрольный экземпляр того же самого словаря, с серебряной застежкой. В 1692 году инквизиция уничтожила весь тираж издания Даубманнуса, однако в обращении остался

отравленный, а также прилагавшийся к нему вспомогательный экземпляр с серебряной застежкой, которые каким-то образом избежали глаз цензуры. Таким образом, непокорные и неверные, решавшиеся читать запрещенный словарь, были осуждены на смерть. Кто бы ни открыл книгу, вскоре оставался недвижим, наколотый на собственное сердце, как на булавку. Точнее, читатель умирал на девятой странице, на словах, которые звучат так: «*Verbum caro factum est*» («слово стало мясом»). Контрольный экземпляр позволял, если он читался параллельно с отравленным, установить момент наступления смерти. В контрольном экземпляре было одно примечание: «Если, проснувшись, вы обнаружили, что у вас ничего не болит, знайте, что вас уже нет среди живых».

Из тяжбы о наследстве семейства Дорфмер, жившего в Пруссии в XVIII веке, видно, что «золотым» (отравленным) экземпляром словаря из поколения в поколение владели именно они: старший сын получал половину книги, а его братья и сестры по четверти – или меньше, если детей было много. Каждому куску книги соответствовали и остальные части наследства Дорфмеров: фруктовые сады, луга, поля, дома, и воды или скот, и очень долго смерти людей никак не связывали с чтением этой книги. Когда однажды разразилась засуха и мор среди скота, кто-то сказал им, что каждая книга, так же как и каждая девушка, может превратиться в ведьму и тогда ее дух выходит на свободу и губит и морит всех, находящихся рядом. Поэтому нужно положить под застежку книги маленький деревянный крест, такой, как кладут на рот девушек, превратившихся в ведьм, чтобы злой дух не освободился и не навредил домашним. Когда так сделали с «Хазарским словарем» – под застежку, как на рот книги, положили крест, – несчастья и беды посыпались со всех сторон, а домашние начали умирать во сне от удушья. Тогда обратились к священнику, рассказали, как обстоит дело, он пришел в дом, вынул из книги крест, и мор в тот же день прекратился. Еще он сказал им: «Смотрите не кладите больше крест под застежку, потому что дух книги сейчас находится вне ее. Он не может вернуться в книгу, потому что боится креста, от этого и творит вокруг зло». Таким образом, позолоченная застежка была закрыта на ключ, и «Хазарский словарь» десятилетиями оставался нетронутым на полке. По ночам с полки слышался странный шум, который исходил из словаря Даубманнуса, причем в дневниковых записях того времени, сделанных во Львове, говорится, что в лексикон Даубманнуса были вставлены песочные часы, которые изобрел некий Нехама, знаток «Зохара», умевший говорить и писать одновременно. Этот Нехама, кроме того, утверждал, что узнал в собственной руке согласную «хе» родного еврейского языка, а в букве «вав» свою мужскую душу. Песочные часы, которые он вставил в переплет книги, были невидимы, но во время чтения в полной тишине можно было услышать, как пересыпается песок. Когда песок переставал шуршать, нужно было перевернуть книгу и продолжать чтение в обратном порядке, с того места, где остановился, к началу, вот тут-то и открывался тайный смысл книги. Другие записи, однако, говорят о том, что раввины не одобряли того внимания, которое их соплеменник уделил «Хазарскому словарю», поэтому книга время от времени подвергалась нападкам ученых людей из еврейской среды. При этом, правда, у раввинов не было замечаний относительно правоверности еврейских источников словаря, однако они не могли согласиться в аргументах остальных источников. И наконец, нужно сказать и о несчастливой судьбе «*Lexicon Cosgí*» в Испании, где у мавров в исламской среде «серебряный экземпляр» был запрещен для чтения в течение восьмисот лет, причем этот срок еще не истек и запрет остается в силе. Объяснение этому можно найти в том факте, что в Испании того времени еще были семьи, чье происхождение восходило к хазарскому царству. Записки говорят, что у этих «последних хазар» была странная привычка. Если они с кем-то вступали в конфликт, то старались любыми способами очернить и проклясть этого человека в то время, когда он спит, стараясь при этом не разбудить его бранью. Видимо, считалось, что тогда проклятие подействует сильнее и наказание последует быстрее, чем в том случае, когда враг бодрствует. Так хазарские женщины, говорит Даубманнус, проклинали еще Александра Македонского, что совпадает со свидетель-

ством Псевдокалистена, согласно которому хазары в свое время были покорены великим завоевателем.

2. Состав словаря

Как выглядел «Хазарский словарь», изданный Даубманнусом в 1691 году, сегодня доподлинно установить невозможно, потому что два оставшихся в обращении экземпляра, оловянный и серебряный (вспомогательный), были уничтожены, каждый в своей стране. Как говорит один источник, «золотой экземпляр» погиб совершенно недостойным образом. Последним его владельцем был один старик из семейства Дорфмер, известный тем, что умел определить хорошую саблю по звуку, как колокол. Он никогда не читал книг и говорил: «Свет откладывает в мои глаза яйца, как мухи слюну в рану. Известно, что может вылупиться из таких яиц...» Старику была вредна жирная пища, и он потихоньку от своих домашних каждый день, одну за другой, опускал страницы «Хазарского словаря» в тарелку с супом, чтобы собрать с поверхности жир, а потом выбрасывал замасленную бумагу. Таким образом, еще до того, как кто-нибудь заметил, он извел весь «Lexicon Cosgî». В тех же записках говорится, что книга была украшена иллюстрациями, которыми старик не пользовался, потому что они портили вкус супа. Эти иллюстрированные страницы – единственное, что осталось от словаря, и, возможно, их и сегодня еще удалось бы разыскать, если среди следов вообще можно распознать самый первый, за которым последовали другие, образовавшие тропинку. Считается, что у одного профессора, специалиста по ориенталистике и археологии Средних веков, доктора Исайло Сука[†], был то ли экземпляр, то ли рукописная копия «Хазарского словаря», однако после смерти ученого в его архиве ничего похожего не оказалось. Так что из издания Даубманнуса до нас дошли только фрагменты, подобно тому как от сна в глазах остается лишь песок.

На основе фрагментов, которые приводятся в трудах, полемизирующих с автором, или авторами, «Хазарского словаря», достоверно установлено (как уже говорилось), что издание Даубманнуса представляло собой своего рода хазарскую энциклопедию, сборник биографий или житий тех людей, которые, как птица через комнату, пролетали по небу хазарского царства. Это также *Vitae sanctorum* и других лиц, участвовавших в хазарской полемике, в ее фиксировании на бумаге и в ее изучении на протяжении веков. Все эти материалы представляли собой основу книги и были разделены на три части.

Такой состав словаря Даубманнуса, объединявший еврейские, исламские и христианские источники об обращении хазар, остался основой и второго издания. Лексикограф решился на него, несмотря на непреодолимые трудности, вытекавшие из бедности имевшегося материала, только после того, как прочитал следующую фразу «Хазарского словаря»: «Сон – это сад дьявола, и все сны уже давно известны истории человечества. Сейчас они лишь чередуются со столь же широко использованной и потрепанной явью, точно так же как передают из рук в руки металлические монеты, получая письма до востребования...» В таком мире или, говоря точнее, в такой фазе этого мира и правда можно было взяться за подобное предприятие.

При этом следует иметь в виду следующее. Издатель второго издания «Хазарского словаря» полностью отдает себе отчет, что данные Даубманнуса, то есть материалы XVII века, недостоверны, они в максимально возможной мере построены на легендах, представляют собой нечто вроде обеда во сне и опутаны сетями заблуждений различной давности. Тем не менее все они передаются на суд читателю, потому что в задачи словаря не входит показать хазар такими, какими они видятся нам сегодня, это просто попытка восстановить утраченное издание Даубманнуса. Так что современные знания о хазарах использованы лишь в качестве неизбежных и необходимых дополнений к фрагментам утраченного источника.

Необходимо также напомнить, что по понятным причинам здесь не мог быть сохранен порядок расположения и алфавит словаря Даубманнуса, в котором использованы три письма и три языка – греческий, еврейский и арабский – и где даты даны по трем хронологиям, лежащим в основе календарей, которыми пользовались эти народы. Здесь все даты переведены в

систему одного календаря и сделан перевод материала словарных статей издания Даубманнуса с трех языков на один-единственный, поэтому следует отдавать себе отчет, что в оригинале XVII века все словарные статьи были распределены иначе и что в разных языках в каждом из трех словарей (еврейском, арабском и греческом) одно и то же имя возникало в разных местах в силу того, что в разных азбуках буквы располагаются в разной последовательности, книги листаются в разных направлениях, а главные действующие лица в театре появляются с разных сторон сцены. Впрочем, при переводе на любой другой язык эта книга опять же выглядела бы по-другому, потому что каждый новый язык и каждое новое письмо влекут за собой новое расположение материала словаря о хазарах, и словарные статьи приходилось бы менять местами, а имена всегда выступали бы в новой иерархии. Таким образом, столь важные словарные статьи издания Даубманнуса, как: св. Кирилл[†], Иуда Халеви[☆] или Юсуф Масуди^С и другие – расположены в совершенно иной последовательности, чем в первом издании «Хазарского словаря». Это, безусловно, можно считать главным недостатком данной версии по сравнению с оригинальной, ибо только тот, кто сумеет в правильном порядке прочесть все части книги, сможет заново воссоздать мир. Однако в данном случае пришлось поступить именно так; постольку, поскольку восстановить алфавитный порядок Даубманнуса было невозможно.

Тем не менее не следует воспринимать все это как большой недостаток: читатель, который умел вычитать скрытый смысл книги из порядка расположения словарных статей, давно уже исчез с лица земли, а нынешняя читательская публика полагает, что вопрос фантазии относится исключительно к компетенции писателя, а ее это не касается вовсе. Особенно если речь идет о словаре. Такому читателю не нужны песочные часы в книге, которые обращают его внимание на то, что пора переменить способ чтения, ведь современный читатель способ чтения не меняет никогда.

3. Как пользоваться словарем

Несмотря на все перипетии, эта книга сохранила некоторые достоинства первоначального издания – издания Даубманнуса. Так же как и то издание, она может быть прочитана разными способами. Это открытая книга, а когда ее закроешь, можно продолжать писать ее; так же как она имеет своих лексикографов в прошлом и настоящем, то и в будущем могут появиться те, кто будет ее переписывать, продолжать и дополнять. В ней есть словарные статьи, конкордансы и комментарии, как в священных книгах или кроссвордах, и все имена и понятия, которые в ней отмечены знаком креста, полумесяца или звезды Давида, нужно искать в соответствующем разделе словаря, если кому-то захочется найти более подробное объяснение. То есть слова под знаком:

✠ – следует искать в «Красной книге» словаря (христианские источники о хазарском вопросе);

☩ – нужно искать в «Зеленой книге» словаря (исламские источники о хазарском вопросе);

✡ – нужно искать в «Желтой книге» словаря (древнееврейские источники о хазарском вопросе).

Статьи, помеченные знаком

∇ – можно найти во всех трех книгах, а те, что со знаком

А – находятся в Appendix I в конце книги.

Иначе говоря, читатель может пользоваться книгой так, как ему покажется удобным. Одни, как в любом словаре, будут искать имя или слово, которое интересует их в данный момент, другие могут считать этот словарь книгой, которую следует прочесть целиком, от начала до конца в один присест, чтобы получить более полное представление о хазарском вопросе и связанных с ним людях, вещах, событиях. Книгу можно листать слева направо и справа налево, так в основном и листали словарь, опубликованный в Пруссии (еврейские и арабские источники). Три книги этого словаря – Желтую, Красную и Зеленую – можно читать в том порядке, какой придет на ум читателю, например начав с той страницы, на которой словарь откроется. Именно поэтому в издании XVII века каждая книга была переплетена отдельно, что в данном случае сделать невозможно по техническим причинам. «Хазарский словарь» можно читать и по диагонали, чтобы получить срез каждого из трех источников – исламского, христианского и древнееврейского. При таком способе пользования словарем наиболее целесообразно группировать статьи по тройкам: или смотреть те, что даны со знаком ∇, то есть представлены во всех трех словарях, как, например, в случае со словами «Атех», «каган», «хазарская полемика» или «хазары», или выбрать три разные личности, связанные одной ролью в истории хазарского вопроса. Таким образом, во время чтения можно связать в одно целое статьи из трех разных книг этого словаря, которые говорят об участниках хазарской полемики (Сапгари, Кирилл, Иби Кора), о ее хронистах (Бекри, Мефодий, Халеви) или об исследователях хазарского вопроса в XVII веке (Коэи, Масуди, Бранкович) и в XX веке (Сук, Муавия, Шульц). Разумеется, не следует обходить вниманием и персонажи, пришедшие из трех преисподен – исламской, еврейской и христианской (Ефросиния Лукаревич, Севаст, Акшани). Они проделали самый длинный путь, чтобы добраться до этой книги.

Однако обладателя словаря не должны смущать эти инструкции. Он может со спокойной душой пренебречь всеми советами и читать так, как ест: пользоваться правым глазом вместо вилки, левым вместо ножа, а кости бросать за спину. Этого достаточно. Правда, может случиться, что читатель заблудится и потеряется среди слов этой книги, как это произошло с Масуди, одним из авторов словаря, который заплутал в чужих снах и уже не нашел дороги назад. В таком случае читателю не остается ничего другого, как пуститься с середины стра-

ницы в любую сторону, прокладывая свою собственную тропинку. Тогда он будет продвигаться сквозь книгу, как сквозь лес, – от знака до знака, ориентируясь по звездам, месяцу и крестам. В другой раз он будет читать ее, как птица трясогузка, которая летает только по четвергам, или же перетасовывать и перекладывать ее страницы бесчисленными способами, как кубик Рубика. Никакая хронология здесь и не должна соблюдаться, она не нужна. Каждый читатель сам сложит свою книгу в одно целое, как в игре в домино или карты, и получит от этого словаря, как от зеркала, столько, сколько в него вложит, потому что от истины – как пишется на одной из следующих страниц – нельзя получить больше, чем вы в нее вложили. Кроме того, книгу эту вовсе не обязательно читать целиком, можно прочесть лишь половину или какую-нибудь часть и на этом остановиться, что, кстати, всегда и бывает со словарями. Чем больше ищешь, тем больше получаешь; так и здесь счастливому исследователю достанутся все связи между именами этого словаря. Остальное для остальных.

4. Сохранившиеся фрагменты из предисловия к уничтоженному изданию 1691 года (перевод с латинского)

1. Писатель не советует читателю браться за эту книгу без большой необходимости. А если уж он захочет поинтересоваться ее содержанием, то делать это нужно в такой день, когда чувствуешь, что ум и осторожность способны проникнуть глубже, чем обычно. Читать ее следует так, как треплет человека горячка или жар лихоманки, болезни, которая приходит приступами, через день, и трясет больного только по женским дням недели...

2. Представьте себе двух людей, которые держат пуму, набросив на нее с двух сторон лассо. Если они захотят приблизиться друг к другу, пума бросится на одного из них, так как лассо ослабнет. Они в равной безопасности только тогда, когда тянут каждый в свою сторону. Поэтому с таким трудом могут приблизиться один к другому тот, кто пишет, и тот, кто читает, между ними общая мысль, захлестнутая петлей, которую двое тянут в противоположные стороны. Если мы спросим пуму, то есть мысль, каково ее мнение об этих двоих, она ответит, что концы лассо держат те, которые считают пищей кого-то, кого не могут съесть...

8. Опасайся, собрат мой, войти в большое доверие или слишком откровенно подлизываться к тем, чья власть в перстне, а сила в свисте сабли. Такие всегда окружены людьми, толпящимися вокруг них не из любви и не по убеждениям, а лишь потому, что нет другого выхода. Выхода же нет потому, что у них то ли пчела спрятана под шапкой, то ли масло под мышкой, – одним словом, что-то есть за ними такое, за что теперь приходится расплачиваться, а их свобода посажена на цепь, поэтому сами они готовы на все. И те, что наверху, те, что всеми правят, хорошо это знают и используют в своих целях. Так что смотри, как бы тебе не оказаться без вины виноватым и не попасть в такую компанию. А это может случиться, если начнешь их слишком расхваливать или льстить им, выделяясь из окружающей толпы: они отнесут тебя к таким же злодеям и преступникам и будут считать, что честь твоя запятнана и что все, что ты делаешь, делаешь не по любви и вере, а по необходимости, для того чтобы расквитаться за свое беззаконие. Таких людей по праву никто не ценит, их пинают ногами, как бездомных псов, или вынуждают делать нечто похожее на уже сделанное ими...

9. Что же касается вас, писателей, никогда не забывайте о том, что читатель похож на циркового коня: он знает, что после каждого успешно выполненного номера его в награду ждет кусочек сахара. И если не будет сахара, не будет и номера. Что же касается критиков и тех, кто будет оценивать книгу, то они, как обманутые мужья, узнают новость последними...

Словари. Lexicon Coriss. Continens. Colloquium seu Disputationem de Religione

Красная книга. Христианские источники о хазарском вопросе

#

АТЕХ[∇] – хазарская принцесса, ее участие в полемике о крещении хазар было решающим. Ее имя истолковывается как название четырех состояний духа у хазар[∇]. По ночам на каждом веке она носила по букве, написанной так же, как пишут буквы на веках коней перед состязанием. Это были буквы запрещенной хазарской азбуки, письма которой убивали всякого, кто их прочтет. Буквы писали слепцы, а по утрам, перед умыванием принцессы, служанки прислуживали ей, зажмурившись. Так она была защищена от врагов во время сна, когда человек, по повериям хазар, наиболее уязвим. Атех была прекрасна и набожна, и буквы были ей к лицу, а на столе ее всегда стояла соль семи сортов, и она, прежде чем взять кусок рыбы, обмакивала пальцы каждый раз в другую соль. Так она молилась. Говорят, что так же, как и солей, было у нее семь лиц. Согласно одному из преданий, каждое утро она брала зеркало и садилась рисовать, и всегда новый раб или рабыня позировали ей. Кроме того, каждое утро она превращала свое лицо в новое, ранее не виданное. Некоторые считают, что Атех вообще не была красивой, однако она научилась перед зеркалом придавать своему лицу такое выражение и так владеть его чертами, что создавалось впечатление красоты. Эта искусственная красота требовала от нее стольких сил и напряжения, что, как только принцесса оставалась одна и расслаблялась, красота ее рассыпалась так же, как ее соль. Во всяком случае, ромейский (византийский) император назвал в IX веке «хазарским лицом» известного философа и патриарха Фотия, что могло указывать либо на родство патриарха с хазарами, либо на лицемерие.

По Даубманнусу[☆] же, ни та ни другая версия не верны. Под хазарским лицом подразумевалась способность и особенность всех хазар, и принцессы Атех в том числе, каждый день пробуждаться как бы кем-то другим, с совершенно новым и неизвестным лицом, так что даже ближайшие родственники с трудом распознавали друг друга. Путешественники отмечали, однако, что лица хазар совершенно одинаковы, что они никогда не меняются, и это приводит к разным осложнениям и недоразумениям. Как бы то ни было, на суть дела это не влияет, и хазарское лицо означает лицо, которое трудно запомнить. Этим можно объяснить не только легенду, по которой для каждого из участников хазарской полемики[∇] при дворе кагана у принцессы Атех были разные лица, но и сведения о том, что существовали три принцессы Атех – одна для исламского, вторая для христианского, а третья для еврейского миссионера и толкователя снов. Остается, однако, фактом, что ее присутствие при хазарском дворе не отмечено в христианском источнике того времени, написанном на греческом и переведенном на славянский язык («Житие Константина Солунского» – св. Кирилла[†]), при этом, правда, из «Хазарского словаря» известно, что одно время среди греческих и славянских монахов существовало нечто похожее на культ принцессы Атех. Культ этот возник в связи с убеждением, что Атех победила в полемике еврейского теолога и приняла христианство вместе с каганом, о котором опять-таки нельзя сказать, был он ей отцом, супругом или братом. Сохранились (в переводе на грече-

ский) две молитвы принцессы Атех, которые никогда не были канонизированы, однако Даубманнус приводит их как «Отче наш» и «Радуйся, Мария!» хазарской принцессы. Первая из этих молитв звучит так:

«На нашем судне, отец мой, команда копошится, как муравьи, я вымыла его сегодня утром своими волосами, и они ползают по чистым мачтам и тащат в свой муравейник зеленые паруса, как будто это сладкие листья винограда; рулевой пытается выдрать корму и взвалить ее себе на плечи, как добычу, которой будет питаться целую неделю; те, что слабее всех, тянут соленые веревки и исчезают с ними в утробе нашего плавучего дома. Только у тебя, отец мой, нет права на такой голод. В этом пожирании скорости тебе, мое сердце, единственный отец мой, принадлежит самая быстрая часть. Ты питаешься разодранным на куски ветром».

Вторая молитва принцессы Атех как будто объясняет историю ее хазарского лица:

«Я выучила наизусть жизнь своей матери и каждое утро в течение часа разыгрываю ее перед зеркалом как театральную роль. Это продолжается изо дня в день много лет. Я делаю это, одевшись в ее платье, с ее веером и с ее прической, потому и волосы я заплела так, как будто это шерстяная шапочка. Я играю ее роль и перед другими, даже в постели своего любимого. В минуты страсти я просто не существую, это больше не я, а она. Я играю так хорошо, что моя страсть исчезает, а остается только ее. Другими словами, она заранее украла у меня все мои любовные прикосновения. Но я ее не виню, потому что знаю, что и она так же точно была обкрадена своей матерью. Если кто-нибудь сейчас спросит меня, к чему столько игры, отвечу: я пытаюсь родиться заново, но только так, чтобы получилось лучше...»

О принцессе Атех известно, что она никогда не смогла умереть. Правда, существует запись, выгравированная на ноже, украшенном мелкими дырочками, где говорится о ее смерти. Это единственное и не вполне достоверное предание приводит Даубманнус[☆], однако не как рассказ о том, что принцесса Атех действительно умерла, а как рассуждение о том, могла ли она вообще умереть. Как от вина не седеют волосы, так и от этого рассказа не будет вреда. Называется он:

Быстрое и медленное зеркало

Однажды весной принцесса Атех сказала: «Я привыкла к своим мыслям, как к своим платьям. В талии они всегда одной и той же ширины, и вижу я их повсюду, даже на перекрестках. И что хуже всего – из-за них уже и перекрестков не видно».

Чтобы развлечь принцессу, слуги принесли ей два зеркала. Они почти не отличались от других хазарских зеркал. Оба были сделаны из отполированной глыбы соли, но одно из них было быстрым, а другое медленным. Что бы ни показывало быстрое, отражая мир как бы взятым в долг у будущего, медленное отдавало долг первого, потому что оно опаздывало ровно настолько, насколько первое уходило вперед. Когда зеркала поставили перед принцессой Атех, она была еще в постели, и с ее век не были смыты написанные на них буквы. В зеркале она увидела себя с закрытыми глазами и тотчас умерла. Принцесса исчезла в два мгновения ока, тогда, когда впервые прочла написанные на своих веках смертоносные буквы, потому что зеркала отразили, как она моргнула и до и после своей смерти. Она умерла, убитая одновременно буквами из прошлого и будущего...

БРАНКОВИЧ АВРАМ (1651–1689) – один из тех, кто писал эту книгу. Дипломат, служивший в Адрианополе и при Порте в Царьграде, военачальник в австрийско-турецких войнах, энциклопедист и эрудит. Портрет Бранковича был нарисован на стене основанного им храма Святой Параскевы в Купинике, родовом имении Бранковичей. Здесь он изображен в

окружении своих родственников подающим на кончике сабли своей прабабке, сербской царице и святой, преподобной матери Ангелине, храм Святой Петки.

ИСТОЧНИКИ. Данные об Авраме Бранковиче разбросаны по отчетам и доносам австрийских агентов, особенно их много в донесениях, которые составлял для принца Баденского и генерала Ветерани один из двух писарей Бранковича, Никон Севаст[†]. Некоторое место отвел Авраму Бранковичу, своему родственнику, и граф Джордже Бранкович (1645–1711) в своей влахской хронике и в обширных сербских хрониках, в тех частях, которые, к сожалению, в настоящее время утрачены. Последние дни Бранковича описал его слуга и учитель сабельного боя Аверкие Скила[†]...

Хронологию жизни Бранковича наиболее полно можно восстановить по письменной исповеди, которую из Польши послал патриарху в Печ второй писарь Аврама Бранковича – Феоктист Никольски^А, а также на основе одной иконы, изображающей житие и чудеса Илии Пророка, потому что к каждому эпизоду из жизни этого святого Бранкович подгонял события собственной жизни и делал записи об этом на задней стороне иконы.

«Аврам Бранкович происходит из семьи, которая пришла в придунайские края с юга, после падения сербского царства, когда оно оказалось под властью турок», – написано в секретном донесении Никона Севаста венскому двору. «Члены этой семьи, подхваченные поднявшейся тогда волной исхода из мест, занятых турками, переселились в XVI веке в Липову и в Енопольский округ. С тех пор о трансильванских Бранковичах говорят, что они лгут на румынском, молчат на греческом, считают на еврейском, в церкви поют на русском, самые умные мысли произносят на турецком – и только тогда, когда хотят убить, употребляют свой родной, сербский, язык. Родом они из западной Герцеговины, из окрестностей Требинья, из села Кореничи, недалеко от Ластвы в Горни-Полици, отсюда и другое их имя – Кореничи. После переселения Бранковичи занимают видное место в Трансильвании, и их вино уже двести лет славится как лучшее в Валахии, существует даже поговорка «Капля вина напоит допьяна». Семья Бранковича проявила себя не только в военном искусстве в стычках на границе двух веков и двух государств – венгерского и турецкого. На новом месте, на реке Мориш, в Енополе, Липове и Панкоте, она дала целый ряд видных священнослужителей. Моисей Бранкович, он же епископ Матей, был митрополитом Енопольским, и орех, который он бросал в Дунай, всегда быстрее других попадал в Черное море. Сын его, дядя графа Георгия Бранковича – Соломон (в сане епископа Енопольского он носил имя Сава I), управлял енопольской и липовской епархиями, не слезая с коня, и пил только в седле до той самой поры, пока Липова не была в 1607 году взята турками. Бранковичи утверждают, что их род идет от сербских деспотов Бранковичей, а откуда пришло к ним богатство – сказать трудно. Говорят, что в карман Бранковичей наяву попадает столько, сколько не может присниться даже всем вместе скрягам-лавочникам от Кавалы до Земуна. Их перстни холодны, как тело гадюки, их земли птица не облетит за один перелет, а в народных песнях о них поют наравне с правителями. Бранковичи покровительствуют монастырям во Влахии и на Афоне в Греции, они строят укрепления и церкви, такие как в стольном граде Белграде, Купнике или в местечке под названием Теус. Князь Жигмунд Ракоци одарил родственников Бранковича по женской линии селами и степями, пожаловал им дворянство, по женской же линии они состоят в родстве с Секелями из Эрделя, откуда в виде приданого тоже немало влилось в их состояние. Нужно заметить, что в семействе Бранковичей наследство переходит в зависимости от цвета бороды. Все наследники с рыжей бородой (а она передается по женской линии, потому что Бранковичи берут в жены только рыжеволосых) уступают в праве наследования чернобородым, чьи бороды свидетельствуют о том, что они получили кровь по мужской линии. Владения Бранковичей в настоящее время оцениваются

примерно в двадцать семь тысяч форинтов, а годовой доход от них составляет более полутора тысяч. И даже если их родословные могут вызвать сомнение, не вызывает сомнения их богатство – оно надежно и прочно, как земля, по которой они проносятся верхом, и груды золотых монет, хранящихся в их сундуках, не видели света дня более двухсот лет...

В Царьграде Аврам Бранкович появился хромым, с раздвоенным каблуком, и там ходят рассказы о том, как он был изуродован. Когда Аврам был мальчиком семи лет, турки ворвались во владение его отца и налетели на небольшую группу слуг, сопровождавших ребенка во время прогулки. Завидев турок, слуги разбежались, с Аврамом остался только один старик, который длинной палкой весьма искусно отражал все выпады всадников, пока их командир не выпустил в него изо рта стрелу, спрятанную в зажатой между зубами камышовой трубочке. Старик упал как подкошенный, а Аврам размахнулся изо всех сил хлыстом, который держал в руке, и стегнул турка по сапогам. Мальчик вложил в этот удар все свое отчаяние и ненависть, но турок только рассмеялся и, приказав поджечь село, ускакал. Годы ползли, как черепахи, Аврам Бранкович вырос, случай этот забылся, потому что были новые стычки, и Бранкович теперь сам вел своих воинов, неся в руке знамя и во рту камышинку с отравленной стрелой. Однажды на дороге они натолкнулись на вражеского лазутчика, который шел вместе со своим сыном, еще мальчиком. Выглядели они на первый взгляд вполне безобидно, у каждого только по палке в руках. Один из людей Бранковича узнал старика, подъехал к нему вплотную, пытался его схватить. Старик отбивался палкой и не давался. Все заподозрили, что в палке у него спрятано секретное письмо, свернутое в трубку. Бранкович выпустил отравленную стрелу и убил старика. Тотчас мальчик, шедший со стариком, ударил Бранковича палкой. Ребенку не исполнилось, пожалуй, и семи лет, и вся его сила, ненависть и любовь не могли бы нанести вреда Бранковичу, но Бранкович рассмеялся и упал как подкошенный.

После этого удара он стал хромать на одну ногу, оставил военное ремесло; через своего родственника, графа Джордже Бранковича, добыл себе место дипломата в Адрианополе, Варшаве и Вене. Здесь, в Царьграде, Бранкович работал на английского посланника и жил в просторном каменном доме между башнями Йороз Калеш и Караташ на Босфоре. На первом этаже дома он приказал выстроить половину храма, посвященного матери Ангелине, его прабабке, которую Восточная Церковь объявила святой. Вторая половина того же храма находится в Трансильвании, месте постоянного пребывания отца Бранковича.

Аврам Бранкович – человек видный, с огромной грудной клеткой, напоминающей клетку для крупных птиц или небольших зверьков, и на него часто нападают убийцы, ведь в народной песне поется, что кости его из золота.

В Царьград он прибыл так, как путешествует всегда: на высоком верблюде, которого кормят рыбой. Животное под ним идет иноходью, и ни капли вина не проливается из чаши, укрепленной в оголовье. С раннего детства Бранкович спит не ночью, как все зрячие, а только днем, но когда он перевел свои часы и превратил день в ночь – сказать никто не может. Однако и во время своих ночных бдений он не может спокойно сидеть на месте, будто не дает ему покоя чужое горе. Поэтому за трапезой ему всегда ставят две тарелки, два стула и два стакана – среди обеда он часто неожиданно вскакивает и пересаживается на другое место. Точно так же не может он долго говорить на одном языке, а меняет их, как любовниц, и переходит то на румынский, то на венгерский или турецкий, а у одного попугая начал учить и хазарский язык. Известно, что во сне он говорит по-испански, но наяву это его знание тает, как снег на солнце. Не так давно кто-то пел ему во сне песню на непонятном языке. Песню он запомнил, и для того, чтобы перевести ее, нам пришлось искать человека, знающего языки, неизвестные Бранковичу. Так мы нашли одного раввина, и Бранкович прочитал ему на память слова песни. Она короткая и звучит так:

זל ערש, לניש אגליש לעל תולע:
 זל ערש, תיע עג-איע אגלל עא,
 סל עוטעג ניליח תת, עעעג תלע
 תעל תאגו תלל, תתל, עגל
 תל תתתעל תל תתל-תעג תל תלע
 זע, עאלל תתע, עאג אתלע

Раввин, услышав начало, тут же прервал Бранковича и продолжил песню до конца. Потом он написал имя автора стихов. Они были написаны еще в XII веке, и сложил их некий Иуда Халеви[☆]. С тех пор Бранкович учит древнееврейский. Однако то, чем он занимается в повседневной жизни, имеет совершенно практическую природу. Потому что способности его разносторонни, а улыбка среди других наук и умений его лица выступает в роли алхимии...

Каждый вечер, стоит ему проснуться, он начинает готовиться к бою. Точнее, он ежедневно упражняется в мастерстве владения саблех с одним из здешних знаменитых искусников. Искусник этот – копт по имени Аверкие Скила, которого Аврам нанял себе в слуги. Этот Аверкие носит один глаз постным, а другой скоромным, а все морщины его лица связаны в узел над переносицей. У него есть самое подробное описание и каталог сабельных ударов, всех, какие когда-нибудь были применены, и прежде, чем внести в свой рукописный справочник какой-либо новый удар, он сам лично проверяет его на живом мясе. Бранкович закрывается вместе со своим слугой-коптом в огромном зале, пол которого застелен ковром размером с небольшой луг, и в полном мраке они упражняют свои сабли. Аверкие Скила обычно берет в левую руку один из концов длинной верблюжьей уздечки, другой ее конец подхватывает кир Аврам, тоже левой, а в правой у него сабля, такая же тяжелая, как и та, которую сжимает в темноте рука Аверкия Скилы. Медленно наматывают они уздечку на руку, пока не почувствуют, что уже приблизились друг к другу, и тогда замахиваются беспощадными саблями – в полной темноте, от которой можно оглохнуть. О быстроте удара Бранковича поют гусяры, да я и своими глазами прошлой осенью видел, как он стоит под деревом и ждет порыва ветра, и первый же плод, который падает вниз, на лету рассекает надвое. У него заячья губа, и, чтобы скрыть это, он отпустил усы, но, когда он молчит, между усами все равно видны зубы. И кажется, будто верхней губы у него нет вовсе, а усы растут на зубах...

...Сербы говорят, что он любит свой край и что всегда советуется со своими, однако у него есть странные недостатки, которые никак не приличествуют его роду занятий. Он не умеет в разговоре поставить точку и выбрать ту минуту, когда следует подняться и уйти. Он всегда с этим тянет и наконец упускает момент, оставляя людей в недоумении чаще при прощании, чем при встрече. Он употребляет гашиш, который специально для него готовит один евнух из Кавалы, никому больше он не доверяет. Но, как это ни удивительно, у Бранковича нет постоянной потребности в опиуме, и для того, чтобы не приобрести зависимость, он время

от времени посылает запечатанный ящик гашиша со своим курьером в Пешту, откуда и получает его обратно с нетронутыми печатями спустя два месяца, когда, по его подсчетам, опиум уже сможет ему понадобиться. Всегда, когда Бранкович не в пути, огромное седло верблюда, украшенное бубенчиками, возвышается в его большой библиотеке и служит ему столом, за которым можно писать стоя. Дома во всех комнатах полно самых разных домашних предметов, которые выглядят какими-то испуганными, но никогда не найти рядом с ним или поблизости от него двух одинаковых вещей. Каждая вещь, или животное, или человек должны быть из разных сел. Среди его слуг сербы, румыны, греки, копты, а недавно он взял на службу одного турка из Анатолии. У кира Аврама есть большая и малая постели, и, почивая (а спит он всегда только днем), он перемещается из одной постели в другую. Пока он спит, его слуга, тот самый, что родом из Анатолии, Юсуф Масуди^С, не сводит с него взгляда, от которого падают птицы. А проснувшись, кир Аврам – как будто в страхе – поет в постели тропари и кондаки своим предкам, которых Сербская церковь причислила к лику святых.

Трудно судить о том, насколько Бранковича интересуют женщины. У него на столе стоит деревянная фигура обезьяны в натуральную величину с огромным членом. Иногда кир Аврам повторяет свое присловье: «Баба без зада, что село без церкви», только и всего. Раз в месяц господарь Бранкович отправляется в Галату, всегда к одной и той же гадалке, и она по картам читает его судьбу старинным и требующим большого терпения способом. В своем доме гадалка держит для Бранковича специальный стол, и на этот стол она бросает новую карту каждый раз, когда на дворе меняется ветер. От того, какой ветер подует, зависит, какая карта ляжет на стол Бранковича, и это продолжается годами. На прошлую Пасху, только мы вошли к ней, задул южный ветер, и гадалка сразу же изрекла:

– Вам приснится человек с одним седым усом. Молодой, с красными глазами и стеклянными ногтями на одной руке, он приближается к Царьграду, и скоро вы встретитесь...

Это известие настолько обрадовало нашего господина, что он тут же приказал надеть мне в ноздрю золотое кольцо, и я едва смог спастись от этой милости.

#

Зная, насколько венский двор интересуется планами господаря Бранковича, я могу сказать, что Бранкович относится к тем людям, которые с особым вниманием и усердием заботятся о своем будущем, возделывают его, как большой сад. Он не из тех, кто проживает жизнь бегом. Свое будущее он заселяет медленно и осознанно. Открывает его для себя шаг за шагом, как неведомую землю, сначала раскорчевывает и только потом строит в самом подходящем месте здание, в котором потом еще долго переставляет все вещи, пока не найдет их истинное расположение. Он обращает внимание на то, чтобы будущее не замедлило свой ход и рост, однако заботится и о том, чтобы самому не разогнаться и не зашагать вперед быстрее, чем оно может продвигаться впереди него. Это своего рода гонка. И проигрывает тот, кто быстрее. В настоящий момент будущее кира Аврама похоже на сад, в котором уже посажено семя, но лишь один он знает, что из него прорастет. Тем не менее о том, что за планы строит Бранкович, можно догадаться по той истории, которую пересказывают друг другу только шепотом. Это

Повесть о Петкутине и Калине

Старший сын кира Аврама Бранковича, Гргур Бранкович[†], рано сунул ногу в стремя и взмахнул саблей, закаленной в огне горящего верблюжьего навоза. Его одежду, обшитую кружевами и испачканную кровью, в то время из Джулы, где Гргур жил с матерью, посылали в Царьград, чтобы ее там выстирали и отгладили под надзором отца, просушили на свежем

ветре с Босфора, отбелили под греческим солнцем и с первым караваном отправили обратно в Джулу.

Второй, младший, сын Аврама Бранковича лежал в то время где-то в Бачке за разноцветной печью, сложенной наподобие церкви, и мучился. Говорили, что с тех пор, как на ребенка помочился дьявол, он встает по ночам, убегает с метлой из дома и подметает улицы. Потому что по ночам его сосала Морь, кусала за пятки и из его сосков текло мужское молоко. Напрасно втыкали в дверь вилку и, поплевав на сложенные в кукиш три пальца, крестили ими его грудь. Наконец одна женщина посоветовала ему лечь спать с ножом, намоченным в уксусе, а когда Морь навалится на него, пообещать ей дать утром взаймы соли и вонзить в нее нож. Мальчик все так и сделал, когда Морь принялась сосать его, он предложил ей взаймы соли, вонзил в нее нож, и тут послышался крик, в котором он узнал давно знакомый голос. На третий день приехала из Джулы в Бачку его мать, с порога попросила соли и упала замертво. На ее теле нашли рану от удара ножом, на вкус она оказалась кислой... С тех пор мальчик занемог от ужаса, у него начали выпадать волосы, и с каждым выпавшим волосом (как сказали Бранковичу знахари) он терял год жизни. Клоки волос, запакованные в юту, пересылали Бранковичу. Он приклеивал их к мягкому зеркалу, на котором было нарисовано лицо ребенка, и таким образом знал, на сколько лет меньше осталось жить его сыну.

Почти никто, однако, не знал, что, кроме этих двух сыновей, у кира Аврама был еще и приемный сын, если его вообще можно было так назвать. Этот третий, или же приемный, сын не имел матери. Бранкович сделал его из глины и прочитал над ним сороковой псалом, чтобы вдохнуть в него жизнь и заставить двигаться. Когда он произнес слова: «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой. Извлек меня из страшного рва, из тинистого болота; и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои...» – три раза прозвонил колокол на церкви в Дале, юноша шевельнулся и сказал:

– Когда прозвонили в первый раз, я был в Индии, при втором ударе – в Лейпциге, а с третьим ударом вошел в свое тело...

Тогда Бранкович связал его волосы Соломоновым узлом, привесил к ним ложку из боярышника, дал имя Петкутин и пустил в мир. А сам надел на шею веревку с камнем и простоял так всю литургию в средопостную неделю.

Отец, разумеется, должен был (для того чтобы все было как у живых) вложить в тело Петкутина и смерть. Этот зародыш конца, эта маленькая и еще несовершеннолетняя смерть была в Петкутине сперва боязливой и глуповатой, нетребовательной к пище, с недоразвитыми членами. Но уже тогда она безмерно радовалась тому, что Петкутин растет, а рос он так, что его расшитые рукава скоро стали такими большими, что в них могли летать птицы. Но вскоре смерть в Петкутине стала быстрее и умнее, чем он сам, и опасности она замечала раньше него. А потом она повела себя так, будто приобрела соперницу, о которой речь еще впереди. Она стала нетерпеливой и ревливой и пыталась обратить на себя внимание тем, что вызывала у Петкутина зуд на колене. Он чесал его и ногтем оставлял на коже написанные буквы, которые потом можно было читать. Так они переписывались. Особенно не любила смерть Петкутины болезни. А отец должен был снабдить Петкутина и болезнью, раз он хотел, чтобы сын как можно больше походил на живое существо, ведь без болезни живое существо как без глаз. Однако Бранкович постарался, чтобы болезнь Петкутина была как можно более безопасной, и наградил его сенной лихорадкой, той самой, что возникает весной, когда начинают колоситься травы и цветы осыпают ветер и воду пылью.

Бранкович поместил Петкутина в свое имение в Дале, в дом, полный борзых собак, которым загрызть насмерть было проще, чем съесть. Раз в месяц слуги гребнями вычесывали их подстилки и выбрасывали длинные клоки пестрой собачьей шерсти, похожие на собачьи хвосты. Комнаты, в которых жил Петкутин, со временем приобретали всегда одну и ту же особую окраску, по которой его пристанище всегда можно было отличить ото всех других. Следы и

жирные пятна, которые оставались после него и его пота на стеклянных ручках дверей, подушках, стульях, диванах и креслах, на курительных трубках, ножах и чашках, отливали радугой с одному ему свойственными переживаниями красок. Это была разновидность портрета, иконы или росписи. Бранкович иногда заставлял Петкутина в зеркалах огромного дома, замурованного в зеленую тишину. Он обучал его, как в равновесии соединить в себе осень, зиму, весну и лето с водой, землей, огнем и ветром, которые человек тоже носит внутри своей утробы. Огромная работа, которую следовало проделать, продолжалась долго, у Петкутина появились мозоли на мыслях, мышцы его памяти были напряжены до предела. Бранкович научил его читать левым глазом одну, а правым – другую страницу книги, писать правой рукой по-сербски, а левой по-турецки. Потом он познакомил его с литературой, и Петкутин успешно определял в трудах Пифагора места, на которых отразилось чтение им Библии, а подписывался он так быстро, будто ловил муху.

Короче говоря, он стал красивым и образованным юношей и лишь время от времени делал что-нибудь такое, по чему можно было предположить, что он слегка отличается от других людей. Так, например, в понедельник вечером он мог вместо следующего дня недели взять из будущего какой-то другой и использовать его назавтра вместо вторника. А дойдя до использованного дня, он употреблял на его месте вторник, через который в свое время перескочил, – таким образом, баланс был восстановлен. Правда, в таких случаях швы между днями получались не совсем гладкими, возникали трещины во времени, но это только развлекало Петкутина.

С его отцом дело обстояло иначе. Он постоянно сомневался в совершенстве своего произведения, и, когда Петкутину исполнился двадцать один год, решил проверить, во всем ли тот может соперничать с настоящими человеческими существами. Бранкович рассуждал так: живые его проверили, теперь нужно, чтобы его проверили мертвые. Потому что только в том случае, если обманутся и мертвые и, увидев Петкутина, подумают, что перед ними настоящий человек из крови и мяса, который сначала солит, а потом ест, можно будет считать, что опыт удался. Придя к такому решению, он нашел Петкутину невесту.

У вельмож Влахии принято иметь при себе одного телохранителя и одного хранителя души, Бранкович тоже когда-то придерживался этого правила. Хранителем его души был фракийский валах, который говорил, что в мире все стало истиной, и у которого была очень красивая дочь. Девочка все лучшее взяла от матери, так что та после родов осталась навсегда безобразной. Когда малышке исполнилось десять лет, мать своими когда-то прекрасными руками научила ее месить хлеб, а отец подозвал к себе, сказал, что будущее не вода, и преставился. Девочка пролила по отцу ручьи слез, так что муравьи, двигаясь вдоль этих ручьев, могли подняться до самого ее лица. Она осиротела, и Бранкович устроил так, что она встретилась с Петкутином. Звали ее Калина, ее тень пахла корицей, и Петкутин узнал, что полюбит она того, кто в марте ел кизил. Он дождался марта, наелся кизила и позвал Калину погулять по берегу Дуная. Когда они прощались, Калина сняла с руки кольцо и бросила его в реку.

– Если случается что-нибудь приятное, – объяснила она Петкутину, – всегда нужно приправить это какой-нибудь неприятной мелочью – так этот момент лучше запомнится. Потому что человек дольше помнит не добро, а зло.

Короче говоря, Петкутин понравился ей, она понравилась Петкутину, и той же осенью всем на радость их обвенчали. Сваты и кумовья после свадьбы распрощались, перецеловались друг с другом, перед тем как расстаться на долгие месяцы, и так, в обнимку, пошли на прощанье еще выпить ракии, и еще, и еще – от бочки к бочке, до самой весны, когда они наконец протрезвели, огляделись вокруг себя и после долгого зимнего похмелья снова увидели друг друга. Тогда они вернулись в Даль и, паля в небо из ружей, проводили молодых в весеннюю поездку, как было принято в этих местах. Нужно иметь в виду, что в Дале принято ездить отдохнуть или просто развесяться – к древним развалинам, где сохранились прекрасные каменные скамьи и греческий мрак, который гораздо гуще любой другой темноты, так же как и греческий огонь

ярче любого другого огня. Туда же отправились и Петкутин с Калиной. Издали казалось, что Петкутин правит упряжкой вороных, но стоило ему на ходу чихнуть от запаха каких-нибудь цветов или щелкнуть хлыстом – от коней разлеталось по сторонам облако черных мух, и было видно, что кони белые. Однако это не мешало ни Петкутину, ни Калине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.